

Филатов Л.

1986/IV

Леонид Филатов

Сов. Россия, 1986, апр.

В жизни мне интересен человек

Человек с острым взглядом, легкой хрипотцой в голосе, жесткий, не всегда интересный своим характером, с богатым внутренним миром — таков обычно герой артиста. А наков сам Леонид Филатов — артист театра «Современник»? Что волнует его сегодня? Итак, первый вопрос.

— Есть люди активные, «пробивные», много думающие о внешнем проявлении, а есть самоуглубленные, больше радующие о внутреннем мире. Каким, по-вашему, должен быть актер?

— Существует мнение, что актер — это профессия, не требующая какой-то инициативы от человека. Решает, дескать, и творит режиссер. Но нельзя ведь постоянно играть и не иметь на это отклика. Деятельное честолюбие — в самой природе нашей профессии. Актер должен понимать, что он нужен, что от него чего-то ждут. Не случайно люди, мечтающие об актерской профессии очень отстраненно (вот хочу быть актером и все!) и не думающие об идеях, которые хотели бы донести и выразить, редко становятся артистами.

Еще одно расхожее мнение, которое я не разделяю, это то, что актер не обязательно должен быть умен. Может быть, и так. Но мне не-

интересны такие партнеры по сцене. Актер, на мой взгляд, профессия нравственная. Понятно, что быть нравственным — это лучше, благороднее вести себя по отношению к близким, вообще людям. Но нравственность не исключает, наверное, в жизни каких-то ошибок. Не тех «ошибок», когда человек сам с собой договорился и свои подлости называет ошибкой. Я не это имею в виду, а ошибки развития. Человек ошибающийся может называться нравственным, если он не подлец, не равнодушен, не патологически глуп, если он пытается постичь этот мир.

Есть артисты, от которых глаз не оторвешь. Таков, например, Олег Борисов. Почему? Потому, что он — личность, потому, что он сам высоконравственный человек, у него есть позиция, и он много думает о жизни. На его долю выпадали страдания, и поэтому он скромнен. Он не «суперзвезда», ничего похожего — нормальный, скромный, внимательный, очень тонкий, интеллигентный человек.

— Что вы думаете о современном театре? Насколько он соответствует времени?

— Думаю, что положение пока достаточно безотрадное. Есть, конечно, театры с перспективными направлениями, и есть талантливые люди. Все есть, чтобы театр цвел. Мне, например, нравится театр Марка Захарова, который за последнее время воспитал немало интересных артистов, среди них Инна Чурикова, Олег Янковский, Николай Караченцов... Уже и переходят к Марку Захарову — с ним хотят работать. Нет-нет да и удивят открытием старые признанные коллективы.

И все-таки мало событий, мало театральных сенсаций. Мало не только для нашей огромной страны, но и даже для такого города, как Москва. Театр должен иметь звонкие спектакли, на которые ломилась бы вся столица. — без этого он не может существовать. Большинство театров, как мне кажется, уже давно отказалось от поиска. Вот «мастерят» спектакль за спектаклем: «А мы поставили пьесу такого-то», — но

спектакль этот смотреть невозможно. Таких театров, к нашему стыду, огромное количество.

Положение неблагоприятное и по отношению к молодежи. Человек, пришедший с институтской театральной скамьи, должен тут же заниматься профессией, тут же! Пусть он сделает пятнадцать ошибок — без этих ошибок он не вырастет в артиста. И чем раньше он начнет, тем раньше станет артистом. Это значит, что у него будет больше сил и перспектив для работы. А сейчас артист (пока потенциальный) приходит со студенческой скамьи и десять лет сидит просто вприглядку. Так сказать, пытаются работать над собой — и толку от этого что-то не видно. К сожалению, так сегодня на театре — к сожалению, подчеркиваю.

Я приветствую рождение молодых театров, где все начинается студийно. Сами моют пол и сами играют. Пусть немножко плохо играют — гораздо лучше пока моют пол, — пусть, но зато все вместе. Потом студия распадется: стареют люди, уста-

ют, уже не могут заниматься всем на свете. Появляются цехи обслуживания. Кто-то окажется поталантливее, кто-то нет. Но свою роль студия сыграет. Вспомним, сколько поколений талантливых артистов (поколений, а не отдельных артистов) вышло в разное время именно из студий.

— Сейчас вновь обострились споры о современном герое. Каким, по-вашему, он должен быть?

— Я враг формулировок: положительный герой, отрицательный... Жизнь настолько усложнилась, что надо менять критерии, менять саму формулировку. Положительный — значит неуступающий. Но это ведь неправильно! Некоторые не поняли моего героя — режиссера в фильме «Успех». Говорили так: «Если он положительный, так почему же он так жесток и равнодушен? Если он отрицательный, почему наделен талантливостью?» Ну если так хотите, то он положительный, конечно. Потому что он художник. Как у всякого художника, у него сутки голова загружена искусством. На каком-то эта-

пе он возвращается в «материальный мир» и оказывается не очень приспособленным к нему. Он задает кого-то локтем, забывает сказать: «Извините», и выясняется, что это приводит к каким-то трагическим последствиям. Это плохо? Нет — естественно. А мы хотим абсолютной, вещественной чуткости от такого сумасшедшего, святого сумасшедшего. Хотим, чтобы он все видел, понимал. А он действительно не понимает. Он другим даром наделен. Он пойдет дальше по городам и весям и где-нибудь умрет в какой-нибудь гостинице во время работы над очередным спектаклем, ведь он сжигает себя без остатка. Разве он не отдаст себя людям?

Говорили: «А как же он так некорректно поступил по отношению к Павлику Платонову, который в результате того, что мой герой отобрал у него роль, умер». Но ведь надо понимать, что Платонов сам художник. Он умер от того, что понимал сердцем: эту роль ему не сыграть никогда. Да еще и понял, что другой тоже увидел это... Они художники, и разговор

между ними более высокий, чем тот, который затевает критика.

Я считаю, что всегда интересно наблюдать за жизнью духа. Поэтому картины из бытия высочайших личностей гораздо интереснее, чем из жизни так называемого положительного героя, скучного, как промокашка. И в жизни мне интересен человек — личность, пусть даже он «не знаменит». Я уважаю личности, а «ляленьке, который поступает всегда правильно» и при этом еще прилично выглядит, перестаю верить на второй секунде. Изучение усредненного типа людей меня совершенно не забавляет. Считаю, что только личность со знаком плюс, притягивающая к себе, может нравственно влиять на человека.

— Вы пишете стихи, пародии, знаю, что делали сценарии для телевидения. А связана ли ваша литературная деятельность с театром?

— Сейчас я заканчиваю сказочку — я ее так называю: сказочка. Это стихотворная пьеса для театра «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Но к своим литературным занятиям не отно-

сую как «к магистрали» и считаю себя артистом.

— Почему, снажем, не режиссер?

— Потому что режиссура — процесс, связанный с людьми, с коллективом театра или кино. Она требует колоссального времени, сил, отказа от всех других профессий... Хотя должен сказать, что стол — тоже вещь ревнивая и не отпускает просто...

И потом (возвращаясь к вопросу о режиссуре) не хочу умножать ряды дилетантов. Мы занимаемся такими сложными профессиями, что каждая из них требует всей жизни, а то и двух, и все равно останешься в профессии несовершенным. А если немножко заниматься режиссурой, немножко актерством, немножко этим, тем — что получается?

Вы скажете: а как же Шукшин? Или Высоцкий? Но это особый случай. Это не разбрасывание, а соединение. Эти люди — явление нашей культуры. Каждое из их занятий дополняло другие, помогало творить. Это было сотворчество внутри самого человека.

Беседу вел А. КУЗНЕЦОВ.